

Анжелика Янчевская

ИЗМЕНА
ПОПАДАНКА В ЖЕНУ
ДРАКОНА

Анжелика Янчевская

**Измена. Попаданка
в жену дракона**

«Литнет»

2024

Янчевская А.

Измена. Попаданка в жену дракона / А. Янчевская — «Литнет», 2024

Я погибла в своём мире и очнулась в теле молодой жены, одного из самых могущественных драконов. Она женила его обманом, а мне теперь приходится расплачиваться за этот обман: дракон в ярости отправил меня в темницу, пообещав сгноить за подлог. Но есть одна проблема — под моим сердцем уже растёт его наследник, и дракон пока об этом не знает. Сбежать из заточения? Я готова рискнуть всем, чтобы сохранить свою свободу и будущее своего ребёнка.

© Янчевская А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	13
5	16
6	18
7	20
8	23
9	25
10	27
11	29
12	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

1

— Дрянь, я сгною тебя в темнице! — от его рыка содрогнулись стены.

Массивные двери из чёрного дуба слетели с петель. В проёме застыла высокая фигура, окутанная волнами раскалённого воздуха. От его ярости плавился сам воздух.

А я... я пыталась понять, что происходит. Всего секунду назад — или целую вечность? — я спешила с работы, перебегая дорогу у торгового центра. Визг тормозов. Ослепляющий свет фар. Сердце в горле и... как я оказалась здесь? В этом странном месте, в этом чужом теле?

— Ты действительно думала, что сможешь обмануть меня? — голос мужчины был тихим, но от этого он казался ещё более холодным. Его лицо застыло в нескольких сантиметрах от её лица, взгляд тёмных глаз прожигал насквозь. — Ладно, вы подкупили оракула — это я ещё могу понять. Оракул, конечно, пытался оправдаться, — процедил он, делая шаг в комнату. По его смуглой коже пробежала золотистая чешуя. — Клялся, что действительно видел в тебе мою истинную, что взял деньги просто так... — его губы скривились в презрительной усмешке. — Но я больше не верю ни единому его слову!

Моргаю, пытаюсь прийти в себя. На мне струящееся платье из лилового шёлка. Босые ноги утопают в ворсе ковра. На стенах — гобелены с драконами.

«Стоп, с ДРАКОНАМИ???»

— Вот только объясни мне, — его голос стал опасно тихим, — как вам удалось обмануть родовой камень?

Тело, в котором я оказалась заперта, дрожит. Но не от страха — от какого-то болезненного возбуждения.

— Милорд, — чужой голос вырывается из моих губ. — Пожалуйста, дайте мне еще немного времени! Цветок должен распуститься! Может, он просто медлит...

— Медлит?! — его хохот больше похож на рык. — Четыре дня, Аврора! Четыре проклятых дня прошло после свадьбы! Три ночи я делил с тобой постель! — по его шее поползла чешуя. — Цветок истинности должен был появиться сразу после свадьбы! А если нет — то хотя бы после первой ночи!

— Но родовой камень... — голос срывается. — Он ведь подтвердил...

— Молчать! — от его рева задрожали стёкла. — Как?! Как ты обманула древнюю магию?!

Он делает еще шаг, и я вижу, как его глаза наливаются золотом от ярости.

— Милорд, умоляю! — тело, которым я не управляю, падает перед ним на колени. — Я люблю вас! Больше жизни люблю! Может, камень увидел эту любовь? Может...

— Лживая дрянь! — он отшвыривает нас прочь. Ваза с лилиями разбивается вдребезги. — Твои родители уже признались! — он надвигается на меня, и каждый его шаг оставляет на ковре дымящиеся следы. — Пятьсот золотых! — его смех похож на рычание. — Вот цена твоей лжи! Но даже продажный оракул не смог объяснить, как вы обманули родовой камень!

— СТРАЖА!

Его рык сотрясает сами основы замка. В распахнутые окна врывается ветер, разнося по комнате лепестки лилий. Они кружатся в раскаленном воздухе, чернеют по краям и осыпаются пеплом.

Двое стражников появляются в проёме, бледные как смерть. Они стараются не смотреть на своего лорда, который почти обезумел от ярости.

— В темницу её! — его когти оставляют дымящиеся борозды на каменной стене. — А когда вынесут приговор, отправишься вслед за родителями на рудники. Посмотрим, как твои нежные ручки справятся с киркой. А может... — его усмешка обнажает удлинившиеся клыки, — ты выберешь другой способ заработать на кусок хлеба? Грязным рудокопам всегда нужны... развлечения.

— Милорд! — она отбивается от стражников с неожиданной силой. — Прошу, поверьте! Я ваша истинная! Просто цветок...

— Увести! — рычит он, и по его рукам пробегает новая волна чешуи. — И если хоть кто-то приблизится к её камере без моего приказа, он отправится следом!

Стражники волокут меня прочь. Я чувствую, как немеют мои руки от их железной хватки, как каждый шаг отдаётся болью во всём теле после удара о стену. Но Аврора... она словно не замечает боли. Её крики эхом разносятся по коридорам: — Я люблю вас! Только вас! С первого взгляда!

Мы спускаемся всё ниже и ниже. С каждым пролётом лестницы воздух становится холоднее и влажнее. Роскошные гобелены сменяются голым камнем, покрытым плесенью. Витражные окна уступают место узким бойницам, а затем исчезают и они — остаётся только тьма, разгоняемая редкими факелами.

Шелковое платье цепляется за неровности стен, рвется с влажным треском. Босые ноги скользят по заплесневелым ступеням. Я чувствую, как острые края камней режут кожу, но даже эта боль кажется далекой, нереальной — как и все происходящее.

Спуск кажется бесконечным. Становится всё холоднее. Капли воды, стекающие по стенам, оставляют на камне известковые потёки, похожие на застывшие слёзы. Где-то вдалеке слышится капель — размеренная, зловещая, отсчитывающая секунды нашего падения в эту бездну.

Наконец коридор выравнивается. Темницы здесь больше похожи на звериные клетки — толстые прутья решёток глубоко уходят в камень.

Лязг ключей. Скрип проржавевших петель. Меня швыряют в угол камеры на гнилую солому. В нос ударяет запах плесени и разложения. Решётка захлопывается с грохотом, эхом отражающимся от сводчатого потолка.

И только когда шаги стражников затихают... рыдания Авроры прекращаются. Как по щелчку пальцев. Она медленно выпрямляется, несмотря на боль от ушибов. Дрожащая рука скользит в потайной карман, чудом уцелевший в разорванном платье.

— Ничего, — шепчет она, доставая маленький пузырек с мутной жидкостью. В тусклом свете единственного факела за решеткой зелье переливается перламутром. — Ничего-ничего. Я все предусмотрела...

«Что ты делаешь?!» — кричу я в её голове. Но кто услышит чужой голос?

— Скоро, — она зубами срывает пробку, — я понесу твоего ребёнка. И тогда... — её губы изгибаются в улыбке, от которой у меня мурашки по коже, даже несмотря на лихорадочный жар её тела, — ты не сможешь от меня избавиться. Никогда.

Она залпом выпивает содержимое. Перламутровая капля стекает по подбородку, падает на разорванный шелк, оставляя светящийся след. В полумраке камеры он кажется змейкой, ползущей по ткани.

Из дальнего конца коридора доносится крысиный писк. Где-то капает вода — размеренно, гипнотически. Факел за решёткой отбрасывает причудливые тени на покрытые плесенью стены. А я... я молюсь всем богам, чтобы это был просто бред после аварии.

Но что, если нет? Что, если это моя новая реальность? Что, если я действительно заперта в теле одержимой, готовой на всё ради своей больной любви?

Её тихий смех эхом отражается от стен темницы, смешиваясь с далёкими стонами других узников: — Ты будешь моим... только моим... Навсегда моим...

2

Холод каменных стен пробирает до костей. В этом камере даже воздух, кажется, пропитан стылой сыростью веков. Гнилая солома под босыми ногами не спасает от ледяного пола, а разорванное платье почти не защищает от промозглого воздуха подземелья.

По телу пробегает дрожь — то ли от холода, то ли от осознания происходящего. Разум всё ещё отказывается верить в реальность случившегося. Я, обычная девушка из Москвы, заперта в чужом теле, в чужом мире, в глубоком подземелье замка разъярённого не человека, «дракона», вспыхивает в моей голове.

Звучит как бред, но содранные о каменные ступени ноги и синяки от грубой хватки стражников говорят об обратном.

А потом приходит жжение.

Сначала едва заметное, как будто глоток слишком горячего чая обжёг горло. Аврора замирает, и я вместе с ней чувствую, как это ощущение растекается, усиливается, превращается в настоящий пожар внутри. Словно раскалённые угли прокладывают путь от губ до самого желудка.

— Нет... не так... — шёпот Авроры срывается на хрип, и я кричу вместе с ней в её голове, понимая, что мы умираем. — Что-то не так...

Она царапает горло — пытаюсь избавиться от невидимой удавки. Ногти оставляют кровавые полосы на нежной коже, но эта боль ничто по сравнению с огнём, пожирающим меня изнутри.

Пустой флакон выскользывает из дрожащих пальцев и разбивается о камни. Я чувствую, как паника Авроры смешивается с моей собственной, когда перламутровые осколки разлетаются по полу, сверкая в тусклом свете факела, как насмешливые звёзды.

— Неправильно... всё неправильно... — её голос становится всё тише, каждый вдох даётся с трудом, будто лёгкие налиты свинцом. — Я же... я всё проверила... — в панике шепчет Аврора, и я чувствую, как её ужас эхом отзывается в моей душе.

Судорога сгибает тело пополам, я падаю на колени. Лиловый шёлк платья впитывает капли пота, темнеет пятнами. Я чувствую каждую нитку ткани на коже, каждую каплю пота, каждую волну боли — всё одновременно и своё, и чужое.

— Нет... пожалуйста... — наш последний общий выдох растворяется в затхлом воздухе темницы. Сознание Авроры гаснет, как задутая свеча, увлекая меня за собой в бездну.

А потом наступает пустота.

Абсолютная чернота, в которой нет ни верха, ни низа. Пространство без времени, тишина без звука. Я парю в этой пустоте, всё ещё ощущая фантомную боль в горле и последний удар сердца — одного на двоих.

Свет появляется неожиданно — маленькая искра вдалеке, которая растёт, приближается, превращается в силуэт женщины, окутанный серебристым сиянием. Её волосы струятся, как звёздный водопад, а в складках одежды мерцают созвездия.

— Дитя моё, — её голос подобен перезвону хрустальных колокольчиков. — Какая трагичная судьба...

— Что... что происходит? — спрашиваю я, и мой голос звучит странно в этой пустоте, словно под толщей воды.

— Аврора мертва, — в глазах богини отражаются галактики. — Её безумная одержимость привела к роковой ошибке. Но ты... — она протягивает руку, и хотя у меня нет тела, я чувствую её прикосновение где-то в глубине души, — ты будешь жить. И дитя под твоим сердцем будет жить.

— Ребёнок? — если бы у меня было тело, оно бы похолодело. — Какой ребёнок?

— Дитя дракона, — её улыбка становится мягче. — Я не позволю невинной душе погибнуть из-за безумия Авроры. Её зелье, которое она пьет уже неделю, было приготовлено с ошибкой и хоть помогло с зачатием, но убило ее. Теперь ты в ответе, за будущее дитя.

— Но... дитя дракона, как?

— Лорд Дрейкар Варден, — в голосе богини звучит понимание. — Один из самых влиятельных лордов Северных земель, дракон, чей род известен своей древней магией и силой. Теперь ты — его законная супруга, леди Варден.

— Законная супруга? — от удивления я даже забываю о страхе. — Но ведь он был женат на Авроре, и он ненавидит её... меня...

— Брачные клятвы в нашем мире связывают не тела, а души, — богиня взмахивает рукой, и в пустоте появляется мерцающая нить, соединяющая две светящиеся точки. — Родовой камень тогда не солгал — он почувствовал твою душу, витающую рядом. Именно поэтому брак считается действительным. Ты — его истинная пара, та самая, о которой говорил оракул. Только он видел тебя, а не Аврору.

— Твоя душа — истинная пара дракона. Именно поэтому ты оказалась здесь, в теле Авроры. Судьба готовила замену, — богиня проводит рукой по воздуху, и в пустоте начинают мерцать созвездия. — Через неделю он почувствует своего наследника. А пока... тебе решать, как прожить эту жизнь.

— А если я не хочу? — вырывается у меня. — Меня... может дома ждут.

Богиня грустно улыбается, понимая, что я лукавлю, никто меня ждет, скоро сорок лет, а даже друзей пригласить на день рождения не могу, нет у меня никого.

— Скоро ты забудешь про свой мир, с рождением дитя, другой памяти у тебя не будет.

— Если я не хочу быть заменой? Не хочу оставаться с тем, кто бросил меня... то есть Аврору, в темницу?

— Это твой выбор, — её голос становится тише, а силуэт начинает таять. — Но помни: иногда то, что кажется жестокостью, на самом деле является защитой. А то, что выглядит как проклятие, может оказаться благословением...

Тьма рассеивается, как предрассветный туман. Я открываю глаза — и делаю первый вдох.

Медленно сажусь, прислушиваясь к ощущениям. Тело, которое теперь полностью принадлежит мне, болит от недавних ударов и судорог. На шее саднят царапины, босые ноги покрыты ссадинами. Но всё это кажется таким незначительным по сравнению с тем, что я жива.

И что теперь? Смириться? Стать покорной женой дракона, заменив его нелюбимую супругу? Ждать в этой темнице, пока его высочество соизволит вспомнить о своей пленнице?

Я вздрагиваю, вспоминая его горящие яростью глаза, когти, оставляющие на камне дымящиеся борозды, эту страшную, звериную ярость. Как вообще можно жить рядом с таким существом? Как можно растить ребёнка, зная, что в любой момент его отец может превратиться в чудовище?

«Пятьсот золотых!» — его рычащий голос всё ещё звучит у меня в ушах.

А что будет, когда он узнает правду? Когда поймёт, что в теле его жены теперь живёт другая душа?

Я машинально обхватываю живот руками. Внутри растёт его ребёнок — наполовину человек, наполовину дракон. Но даже это не заставит меня остаться. Лучше растить ребёнка одной где-нибудь на краю этого мира, чем каждый день бояться драконьей ярости.

«Мать моя женщина, я буду матерью дракона!» — мелькнула мысль, и тут же сменилась другой. Побег.

Где-то вдалеке капает вода — размеренно, гипнотически. В этом звуке мне чудится: «Беги-беги-беги...» И я побегу. Обязательно побегу. Только сначала нужно выбраться из этой темницы, а потом... Потом разберусь, как жить дальше.

Дорогие мои, я начала новую историю, буду рада вашей поддержке. Нажмите "мне нравится", оставьте свой комментарий, всех вижу, всех читаю, всех люблю!

3

Холод. Голод. Жажда. Все смешалось в один бесконечный кошмар. Я пыталась свернуться калачиком на гнилой соломе, кутаясь в обрывки некогда роскошного платья. Каждый раз, когда я проваливалась в полузабытьё, перед глазами вставало его лицо — искаженное яростью, с золотыми глазами и удлинившимися клыками.

Желудок сводило от голода, горло саднило от жажды. О том, как нестерпимо хотелось в туалет, я старалась не думать. В углу темницы была выдолблена небольшая ниша, прикрытая полуразвалившейся деревянной ширмой. Даже в полубреду я содрогалась при мысли о том, чтобы воспользоваться этим «удобством».

Время потеряло смысл. Только размеренное «кап-кап» где-то в темноте отсчитывало секунды моего заточения. Иногда мне казалось, что я слышу крысиное писклявое попискивание, и тогда я вжималась в стену, пытаюсь стать как можно меньше.

Когда усталость наконец взяла своё, я провалилась в беспокойный сон. Мне снилась Москва, залитая дождём улица, ослепительный свет фар... А потом — золотые глаза дракона, полные такой ярости, что даже во сне у меня перехватило дыхание.

— Леди... леди Варден?

Хриплый голос стражника вырвал меня из забытья. Я с трудом разлепила глаза, чувствуя, как затекло всё тело от холодного камня.

— Господин... лорд Варден требует вас на допрос, — в голосе стражника явно слышалась неловкость. Он переминался с ноги на ногу, старательно избегая смотреть мне в глаза.

Я медленно поднялась, цепляясь за стену для опоры. В висках стучало, к горлу подступала тошнота — то ли от голода, то ли от страха перед предстоящей встречей.

— Прошу прощения, миледи, но... — стражник замялся, и в его голосе смешались жалость и растерянность. — Я должен... проводить вас.

«Миледи». Ещё три дня назад он кланялся этой самой «миледи», распахивал перед ней двери, а теперь должен конвоировать ее как преступницу. Интересно, что он чувствует? Зло-радство? Сочувствие? Или просто выполняет приказ, стараясь не думать?

Решётка открылась с тем же душераздирающим скрипом. Когда я шагнула в коридор, колени подогнулись — от слабости и от того, что впервые за... сколько? — двое суток? — я встала на ноги.

Стражник инстинктивно потянулся, чтобы поддержать меня, но тут же отдернул руку, словно обжегшись. Нельзя. Нельзя трогать жену лорда, даже если она в опале. Даже если она предательница. Даже если она едва держится на ногах. Вот только когда тащили меня, сшибая углы, они об этом не думали, напуганный злостью дракона.

— Господин ждет вас в своем кабинете, — пробормотал он, опустив глаза.

Мы медленно двинулись по коридору. Каждый шаг давался с трудом — босые ноги скользили по влажному камню, в голове шумело от голода и усталости. Но что-то внутри — то ли гордость, то ли упрямство — заставляло меня держать спину прямо. Я больше не Аврора. Я не стану падать перед ним на колени и умолять о любви.

Подъём по лестнице превратился в пытку. На каждом пролёте приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание. Стражник терпеливо ждал, делая вид, что не замечает, как я цепляюсь за стену побелевшими пальцами.

Постепенно затхлый воздух подземелья сменился более свежим. Факелы уступили место настенным светильникам, озарявшим коридоры мягким светом. Камень под ногами стал ровнее, а потом и вовсе сменился ковровой дорожкой.

Наконец мы остановились перед массивными дверями из чёрного дерева — теми самыми, которые совсем недавно слетели с петель от драконьего гнева. Теперь они были восстановлены, и только глубокие борозды на дереве напоминали о случившемся.

Стражник коротко постучал.

— Войдите, — раздался холодный голос, от которого у меня по коже побежали мурашки.

Дверь открылась, и я шагнула внутрь, чувствуя, как бешено колотится сердце. Что ждёт меня за этой дверью? Допрос? Казнь? Или... что-то похуже?

«Ты носишь его ребёнка», — напомнил внутренний голос. «Он не может причинить тебе вред».

Но, глядя в эти золотые глаза, полные ледяной ярости, я уже не была в этом так уверена.

В кабинете пахло кожей, деревом и чем-то терпким, похожим на дым. Высокие окна были распахнуты настежь, впуская прохладный вечерний воздух. Закатное солнце окрашивало тяжелые гардины в кроваво-красный цвет.

Лорд Варден стоял у окна, заложив руки за спину. Его силуэт чётко вырисовывался на фоне заката — высокий, статный, опасный. Чёрные волосы небрежной волной спадали на плечи, а по смуглой коже то и дело пробегали золотистые искры — словно чешуя появлялась и исчезала в такт его дыханию.

— Сядь, — он даже не повернулся, но его голос, холодный как лёд, не оставлял места для возражений.

Я медленно опустилась в кресло, стоящее перед массивным письменным столом. Мягкая обивка показалась райским блаженством после каменного пола темницы, но я не позволила себе расслабиться.

— Твои родители признались в подкупе оракула, — он наконец повернулся, и его глаза вспыхнули опасным золотым огнём. — Пятьсот золотых... неплохая цена за место в моей постели, не так ли?

Я молчала. Что я могла сказать? Что это была не я? Что настоящая Аврора мертва, а я — случайная душа из другого мира?

— Но вот что интересно... — он медленно подошёл к столу, и каждый его шаг отзывался во мне волной страха. — Родовой камень. Древняя магия, служившая моему роду веками. Как вам удалось его обмануть?

Он оперся руками о стол, наклоняясь вперёд. От его близости по коже побежали мурашки.

— Я найду способ узнать правду, — его голос стал тише, опаснее. — Если потребуется, я лично вытрясу из тебя каждую деталь вашего маленького заговора.

По его рукам пробежала волна чешуи, когти удлинились, оставляя глубокие борозды на полированной поверхности стола.

— Молчишь? — он резко выпрямился и одним плавным движением оказался рядом со мной. — Думаешь, сможешь и дальше хранить свои секреты?

Его рука схватила меня за подбородок, заставляя поднять голову. Его прикосновение обжигало.

— Я найду способ расторгнуть этот брак, — прорычал он. — А ты... ты сгниешь в рудниках вместе со своими родителями.

В этот момент моё измученное голодом и усталостью тело предало меня. В глазах потемнело, комната закружилась. Последнее, что я почувствовала перед тем, как провалиться в темноту, — это его удивлённое рычание и сильные руки, подхватившие меня прежде, чем я упала на пол.

Сознание уплывало, унося с собой его последние слова: «Лекаря! Немедленно!»

В этой темноте мне послышался серебристый смех богини: «Он еще не знает... но скоро почувствует своего наследника. И тогда все изменится...»

А потом реальность окончательно растворилась во мраке.

4

Сознание возвращалось медленно, словно я выплывала из вязкой тьмы. Первыми вернулись звуки — приглушённые голоса, шорох одежды, тихие шаги. Я лежала, не открывая глаз, и каждый звук отдавался гулким эхом в голове, словно я находилась под толщей воды.

— ...крайне необычный случай, милорд, — говорил кто-то встревоженным голосом. В его тоне явно слышалось почтение, смешанное с профессиональной озабоченностью. Казалось, лекарь тщательно подбирал каждое слово. — За тридцать лет практики я не встречал ничего подобного.

Раздался раздражённый выдох, от которого, казалось, даже воздух в комнате нагрелся. Я почувствовала, как потеплели даже простыни подо мной.

— Объясните. Нормально, — каждое слово лорда Вардена падало, как камень. Я узнала этот голос — низкий, рычащий, от которого по спине побежали мурашки, а внутри всё сжалось от первобытного страха.

Лекарь прочистил горло. Судя по звуку его шагов, он нервно переминался с ноги на ногу, и я почти физически ощущала его тревогу.

— Видите ли... Судя по показаниям магического сканирования... — он запнулся, словно не решаясь произнести следующие слова. — Это крайне необычно, но сканирование показало, что леди пережила смерть.

Я едва удержалась от того, чтобы не вздрогнуть. Только годы работы в стрессовых ситуациях помогли мне сохранить расслабленное выражение лица и ровное дыхание спящего человека. Сердце колотилось так, что мне казалось, они должны слышать его стук.

— Что за чушь? — прорычал дракон, и я почувствовала, как от его гнева воздух стал почти обжигающим. — Она жива, я прекрасно это вижу!

— Да-да, несомненно, жива! — поспешил заверить его лекарь, и в его голосе прозвучала плохо скрываемая паника. — Есть и другие... странности. — Он сделал паузу, и я почти физически ощутила его нервозность. — У меня есть определённые подозрения, но я бы не хотел озвучивать их, пока не буду абсолютно уверен. Мне нужно несколько дней для наблюдения.

— Какие. Ещё. Подозрения? — дракон чеканил каждое слово, и температура в комнате, казалось, поднялась ещё на несколько градусов. Я чувствовала, как по его коже пробегают волны жара.

— Милорд, — в голосе лекаря послышались умоляющие нотки, — я бы предпочёл сначала убедиться... Но что я могу сказать наверняка — леди нужен покой. Абсолютный покой как минимум три-четыре дня. — Он набрал воздуха, словно собираясь нырнуть в ледяную воду. — Никакого стресса, никаких допросов. И уж точно никакой темницы! Если мои подозрения подтвердятся, то любое подобное воздействие может иметь... катастрофические последствия.

— О чем вы...

Скрип двери прервал его вопрос. Цокот каблучков по мраморному полу, шелест дорогой ткани — в комнату вошла женщина. От неё исходил тяжёлый аромат экзотических духов.

— Дрейк! — мелодичный женский голос прозвучал с хорошо отрепетированной заботой, как у актрисы на сцене.

— Изабелла?! — в голосе дракона прозвучало неприкрытое удивление и раздражение. — Что ты здесь делаешь?

— Леди Изабелла... — пробормотал лекарь с явным облегчением в голосе, радуясь возможности избежать дальнейших расспросов. — Я, пожалуй, пойду. Отчет оставлю на вашем столе, милорд.

Торопливые шаги, звук закрывающейся двери — лекарь явно спешил покинуть накалившуюся атмосферу.

— Неужели ты думал, что я не приеду, узнав об этом? — в её голосе появились игривые нотки, словно она репетировала эту сцену перед зеркалом. — Весь высший свет только и говорит о том, как какая-то выскочка обманом заставила тебя жениться. Разве я могла оставить тебя одного в такой момент?

— Мы всё обсудили перед моей свадьбой, — холодно ответил дракон. — Ты получила дом в столице и более чем щедрое содержание.

— Но это было неделю назад! — в её голосе зазвенели слёзы, хотя я готова была поклясться, что они были фальшивыми. — Когда ты думал, что она твоя истинная. А она лгунья! Обманщица! Теперь, когда правда раскрылась...

— Довольно, — его голос стал опасно тихим, как затишье перед бурей. — То, что она солгала, не отменяет того факта, что между нами всё кончено.

— Мой горячий дракон, — её голос стал низким, чувственным, — прошла целая неделя без тебя, моё сердце разрывалось, я так скучала...

Лёгкие шаги — она приблизилась к нему, шёпот шёлка стал отчётливее.

— Помнишь, как нам было хорошо вместе? До того, как эта интриганка всё разрушила...

В комнате повисла напряжённая тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием. Затем раздался характерный звук расстёгивающегося ремня.

— Нет, Белла, — голос дракона смягчился, но в нём всё равно слышалась сталь, как у клинка, спрятанного в бархатные ножны. — Не сейчас.

— Но я могу помочь тебе... расслабиться, — промурлыкала она, растягивая слова. В её голосе звучало обещание. — Ты же помнишь, как я умею доводить тебя до полного блаженства... Позволь мне...

Судя по звукам, она прижалась к нему всем телом. Воздух в комнате, казалось, сгустился от напряжения.

— Я сказал — не сейчас, — он решительно отстранился, его шаги глухо звучали по ковру. — Мне нужно разобраться с этой ситуацией. Ты можешь остаться в поместье, если хочешь.

— Правда? — в её голосе вспыхнула надежда, как искра в темноте. — Значит, ты подумаешь о том, чтобы... восстановить наши отношения?

— Возможно, — уклончиво ответил он, и я почти услышала, как она затаила дыхание. — Но сначала я должен понять, что случилось с родовым камнем.

— О, мой дракон, — её голос стал бархатным от предвкушения, словно она уже праздновала победу, — ты не пожалеешь. Я докажу тебе, что никто не сможет подарить такое наслаждение, как я...

— Стража, — позвал дракон, но уже без прежней ярости. — Проводите леди Изабеллу в гостевое крыло.

— С нетерпением жду нашей встречи, — промурлыкала она напоследок, и каждое её слово сочилось обещанием. — И помни — я всегда знаю, как заставить тебя забыть обо всём на свете...

Цокот каблучков затих в коридоре, унося с собой тяжёлый аромат её духов.

Я услышала его тяжёлые шаги — дракон подошёл к кровати. Даже с закрытыми глазами я чувствовала исходящий от него жар. Он просто стоял, и в этой тишине каждый удар моего сердца казался оглушительным.

Несколько долгих мгновений он не двигался, словно изучая меня. Затем раздался тяжёлый вздох, в котором смешались усталость, раздражение и что-то похожее на растерянность. Странно было слышать такие человеческие эмоции от существа, которое совсем недавно едва не спалило комнату от ярости.

Шорох ткани — он развернулся к двери. Его шаги были уже не такими резкими, как раньше, скорее задумчивыми. Щелчок закрывающейся двери эхом разнесся по комнате.

Я продолжала притворяться спящей, хотя сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Похоже, у бывшей любовницы появился шанс вернуть своё положение. По спине пробежал холодок — что будет со мной, когда он узнает правду? Что сделает лорд с чужачкой, занявшей тело его жены?

Спасибо за ваши комментарии, читаю с удовольствием , иногда смеюсь в голос, вы лучшие))

5

Я лежала в роскошной постели, слушая, как затихают шаги дракона в коридоре. Мягкие простыни пахли лавандой — такой контраст с затхлой соломой в темнице. Но даже в этом комфорте я чувствовала себя словно в золотой клетке.

Как только шаги окончательно стихли, я осторожно открыла глаза и осмотрелась. Комната была просторной и светлой — явно не гостевые покои, а личные покои хозяйки замка. На стенах — гобелены с драконами, парящими среди облаков. Высокие окна выходили в сад, где в сумерках мерцали странные светящиеся цветы.

Попытавшись сесть, я поморщилась от головокружения. Лекарь был прав — мне нужен отдых. Но важнее всего было время. Три-четыре дня, сказал он. Столько у меня есть, прежде чем он поймёт, что я не просто больна.

Скрип двери прервал мои размышления. В комнату проскользнула немолодая женщина с добрым круглым лицом, обрамлённым выбившимися из-под чепца седеющими прядями. Её серое платье служанки было идеально выглажено, на поясе позвякивала связка ключей — знак старшей прислуги. В руках она держала большую дымящуюся чашу из тёмного фарфора.

— Госпожа, — она присела в неглубоком реверансе, умудрившись не расплескать ни капли. — Лекарь велел непременно выпить отвар, как только очнетесь. Для сил и... — она замялась, поджав губы, — для спокойствия душевного.

Я с трудом приподнялась на подушках. От резкого движения комната поплыла перед глазами.

— Ох, что же вы так резко, — всплеснула свободной рукой служанка. — Давайте я помогу.

Она ловко подсунула мне под спину ещё одну подушку, поправила сбившееся покрывало.

— Вот так-то лучше, — кивнула она, протягивая чашу. — Пейте, пока горячее. Травы целебные, я сама видела, как мастер Томас их собирал.

От отвара исходил горьковатый травяной запах с нотками чего-то пряного. В нос ударил аромат незнакомых трав.

— Благодарю... — я запнулась, понимая, что не знаю, как её зовут.

— Агата, госпожа, — она разгладила складку на покрывале. — Я ваша личная горничная. То есть... была ею. До того, как... — она замолчала, теребя передник, явно не зная, как себя вести.

Я сделала глоток. Отвар оказался неожиданно вкусным — горечь трав смягчалась мёдом, а незнакомые пряности оставляли на языке приятное послевкусие.

— Да уж, госпожа, — вздохнула Агата, поправляя свечи в канделябре у кровати. — Натворили вы дел, прости господи. — Она перекрестилась по-своему, как-то странно сложив пальцы. — Еще и леди Изабелла вернулась, чтоб ей пусто было.

Последние слова она пробормотала себе под нос, но я всё равно услышала.

— А что с леди Изабеллой? — спросила я, делая ещё один глоток.

Агата огляделась по сторонам, словно проверяя, нет ли в комнате кого-нибудь, хотя только что сама всё осмотрела. Затем она наклонилась ближе и понизила голос до заговорщического шёпота:

— Ох и рвала же она и метала, когда господин жениться изволил! Два подсвечника расколотила, горничную свою чуть не придушила. — Агата снова перекрестилась. — А как господин ей расчет выдал — дом в столице и содержание — так она вовсе почернела вся от злости.

Агата присела на краешек кровати, явно увлечённая собственным рассказом:

— А она-то, леди эта, всё себе место госпожи готовила. Уж и гардероб весь под цвета драконьего герба переделала, и слуг начала муштровать по-своему. Да только, — тут она понизила голос ещё больше, — кто ж не истинную в жёны возьмёт? Драконий род, он ведь особенный. Им истинная пара нужна, чтобы наследники сильными родились.

Она многозначительно посмотрела на меня:

– А леди Изабелла хоть и писаная красавица, да не истинная. Оттого и бесилась так. Три года, считай, грела постель господина, а как оракул про истинную пару сказал – так он её и выставил

– А теперь? – спросила я, чувствуя, как отвар начинает действовать. По телу разливалось приятное тепло, а головная боль отступала.

– А теперь, – Агата поджала губы, – того и гляди попытается вернуть своё. Как только она узнала, что вы в темнице, – примчалась первой же каретой.

Она взяла из моих рук опустевшую чашу, но не спешила уходить, поправила покрывало, хотя оно и так лежало идеально:

– А знаете, что самое интересное, госпожа? – её голос стал совсем тихим. – Родовой то камень вас признал. А его не обманешь – древняя магия всё видит.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я, чувствуя, как тяжелеют мои веки. Видимо, в отвар добавили что-то успокоительное.

Отдыхайте, госпожа. – Она подоткнула одеяло, как ребенку. – А я еще зайду. Может... – она замялась, – может, позвольте и дальше вам служить?

В её голосе прозвучала искренняя надежда. Похоже, не все в замке желали мне зла.

– Конечно, Агата, – улыбнулась я сквозь накатывающую дремоту. – Я буду рада.

– Вот и славно, – просияла она. – А про леди Изабеллу вы не тревожьтесь. Не первый раз она пытается господина окрутить. Да только... – она понизила голос до едва слышного шепота, – зря она думает, что все по-старому будет. Господин после вашей свадьбы изменился.

Она ещё раз поправила подушки, погасила несколько свечей, оставив только одну:

– Спите спокойно, госпожа.

Дверь тихо закрылась за ней. В полумраке комнаты плясали тени от единственной свечи, а где-то в саду пели ночные птицы. Сквозь туман наплывающего сна я думала о словах Агаты. Но не смогла сконцентрироваться — травы в отваре сделали своё дело, погрузив меня в глубокий сон без сновидений.

6

Утро началось с осторожного стука в дверь. Агата проскользнула в комнату с охапкой свежих полотенец.

– Доброе утро, госпожа, – прошептала она, хотя в комнате никого кроме нас не было. – Как поживали?

– Непокойно, – призналась я, пытаюсь сесть. После вчерашних волнений всё тело ныло, словно после тяжелой работы.

– Ох, позвольте помогу, – Агата поспешила ко мне, ловко подсовывая подушки под спину. – Вам ванну приготовили, с травами целебными. Лекарь Томас сам сбор составлял.

Она помогла мне встать, поддерживая под локоть. В ногах еще чувствовалась слабость, но уже не такая сильная, как вчера.

– А знаете, госпожа, – зашептала Агата, пока вела меня к купальне, примыкающей к спальне, – такое творится, такое... – она воровато оглянулась. – Господин-то наш всю ночь в родовом зале провел.

– В родовом зале? – переспросила я, пока она помогала мне снять ночную рубашку.

– Да-да, – прошептала Агата, оглядываясь на дверь. – Стражники говорят, такого еще не видели. Обычно туда ходят только по большим праздникам да когда приносят клятвы. А тут...

– Расскажи мне о родовом зале, – попросила я, пытаюсь лучше понять этот чужой мир.

Агата на мгновение замерла, словно собираясь с мыслями:

– Это самое священное место в замке, госпожа. Там хранятся реликвии драконьего рода – древние свитки, магические артефакты. Но главное – родовый камень. Огромный кристалл, говорят, из самой драконьей горы привезенный. Он светится разными цветами, когда истинную пару находит.

Говорят, – тут её голос стал совсем тихим, – рычал так, что стены дрожали. А под утро и вовсе... – она замолчала, суетливо размешивая какие-то соли в воде.

– Что под утро? – я невольно подалась вперед.

– Уехал, – сказала она. – В столичную темницу. Где содержатся ваши родители.

Я замерла, чувствуя, как по спине пробежал холодок, несмотря на горячую воду.

– А ещё, – Агата начала намывать мои волосы, и её пальцы слегка дрожали, – леди Изабелла с самого рассвета такая довольная ходит. Прямо светится вся.

– Довольная? – эхом отозвалась я.

– Ага, – Агата сердито фыркнула. – По саду павой разгуливает, служанкам своим указания раздает. А давеча я сама слышала, как она говорила... – тут Агата понизила голос до едва слышного шепота, – что обманщицу драконьего рода одна дорога ждет – на плаху.

Вода в ванне вдруг показалась ледяной. Я обхватила себя руками, чувствуя, как к горлу подступает тошнота – то ли от страха, то ли от беременности.

Когда Агата помогла мне выйти из ванны, прохладный воздух комнаты вызвал у меня мурашки. Служанка ловко завернула меня в пушистое полотенце, промокая влажные волосы льняной тканью.

– Я приготовила вам новую сорочку, – прошептала она, доставая из резного шкафа нежно-лиловый шёлк. – Шили у лучших мастериц столицы.

Шелк струился в её руках, как вода, полупрозрачный, невесомый. По краю выреза вилась искусная вышивка серебряными нитями — крошечные драконы, сплетающиеся хвостами в бесконечный узор.

– Такая красота... – выдохнула я, проводя пальцами по прохладной ткани.

– И вам к лицу, – кивнула Агата, помогая мне надеть сорочку. Шелк скользнул по коже, как прохладный водопад, окутывая тело невесомой лаской. – Сейчас самое время носить такое – не холодно и не жарко.

Она затянула тонкие шёлковые ленты на плечах, расправила складки. Сорочка доходила до щиколоток и переливалась в утреннем свете, словно опал.

– Вам бы еще платье надеть, – заметила Агата, – но лекарь строго-настрого запретил тугие корсеты. – Она помедлила и добавила тише: – Сказал, в вашем положении нельзя.

У меня перехватило дыхание. Неужели лекарь Томас уже знает? Но ведь прошло всего пару дней...

– В каком положении? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно.

– У вас синяки на рёбрах, ушибы, госпожа, – торопливо ответила Агата, расправляя складки сорочки. – Лекарь Томас сказал, что нужно дать им зажить, чтобы они не болели. Так что никаких корсетов пока.

В дверь постучали – принесли завтрак. Агата помогла мне перебраться за небольшой столик у окна, где исходил паром свежий травяной отвар и благоухала овсяная каша с медом и сушеными ягодами.

– Кушайте, госпожа, – она подоткнула салфетку. – Вам нужны силы. Ох, как нужны...

– Почему? – спросила я, отпивая горячий отвар.

Агата опять воровато оглянулась:

– Да потому что... – она наклонилась к самому моему уху, – когда господин шёл в родовой зал, я слышала, как он бормотал что-то про древний ритуал истины. А это, госпожа, страшная штука. Говорят, если кто-то солжёт драконьему роду, этот ритуал вытянет всю правду наружу. Только...

– Что только? – я едва не подавилась кашей.

– Только не каждый его выдерживает, – прошептала она. – Потому что драконья магия – она как огонь. Выжигает всё насквозь.

Я медленно опустила ложку. Аппетит пропал.

– А леди Изабелла, – продолжала Агата, поправляя шторы, – уже и траурное платье приготовила. Хотя, – тут она фыркнула, – рано радуется. Господин после вашей свадьбы изменился. Я его с детства знаю, всякого повидала... Но такого не припомню.

– Какого? – спросила я, заставляя себя сделать ещё глоток отвара.

– А вот какого, – Агата присела на краешек стула, понизив голос. – Когда он вас в темницу отправил, то всю ночь просидел в кабинете. Не спал, не ел. Только рычал временами. А потом, когда вы в обморок упали... – она покачала головой. – Я видела, как он нёс вас на руках. Бережно, словно вы хрустальная. И ведь сам! Слуг не позвал.

Она поправила салфетку на столе:

– А теперь вот ходит в родовой зал, вспоминает древние ритуалы... Не к добру это всё, ох не к добру.

За окном раздался звонкий женский смех. Я вздрогнула — даже здесь, на верхнем этаже, был слышен голос леди Изабеллы.

– Ничего, госпожа, – Агата сжала мою руку. – Не всё то золото, что блестит. Вот помните моё слово – господин вернётся другим человеком. То есть, – она смущённо кашлянула, – другим драконом.

Я слабо улыбнулась её оговорке. Но на душе было тревожно. Что лорд Варден найдёт в столичной темнице? Какую правду он пытается раскрыть? И что будет, когда эта правда откроется?

Я подошла к окну и посмотрела на темнеющее небо. Гроза приближалась стремительно — тяжёлые тучи клубились над замком, словно живые существа.

7

После ухода Агаты я подошла к двери. Несмотря на слабость, мне хотелось хотя бы немного осмотреть замок, понять, где я нахожусь. Но стоило мне приоткрыть дверь, как я увидела двух стражников.

– Простите, госпожа, – вежливо, но твердо произнес один из них. – У нас приказ. Вам нельзя покидать комнату.

Пришлось вернуться. Я снова подошла к окну, разглядывая незнакомый пейзаж. Высокие башни, внутренний двор, сад... Всё казалось таким чужим. Прогнознув я забралась под одеяло, стараясь согреться.

Время тянулось медленно. Наконец дверь открылась, и на пороге появился лорд Варден. Он выглядел задумчивым, от вчерашней ярости не осталось и следа. Его взгляд скользнул по моему лицу, по фигуре скрытой одеялом.

– У меня новости, – спокойно произнес он. – Касательно твоих родителей.

Я замерла, ожидая приговора.

– Они останутся в живых, – продолжил он, внимательно наблюдая за моей реакцией. – И даже сохранят часть своего состояния. Им позволено продать имущество и уехать в соседнее государство, начать жизнь заново.

– Однако, – его голос стал жестче, – им пришлось заплатить определенную цену. – Он сделал паузу, словно наслаждаясь моментом. – Они подписали полный отказ от тебя.

– Твои родители оказались весьма... сговорчивыми, – произнес он, разворачивая свиток с тяжелой печатью. Его голос звучал обманчиво спокойно, но я чувствовала исходящее от него тепло. – Когда им предложили выбор между рудниками и свободой... они даже не колебались.

Он сделал паузу, внимательно наблюдая за моей реакцией. Странно, но я не чувствовала той боли, которую должна была испытывать. Возможно, потому что это были не мои родители? Или потому что память Авроры, постепенно просачивающаяся в мое сознание, подсказывала, что они всегда были такими. Расчетливыми. Готовыми пожертвовать всем ради выгоды.

– Они подписали полное отречение от рода, – продолжил он, и его губы изогнулись в холодной усмешке. – Знаешь, что это значит?

Я знала. Точнее, часть меня — та, что принадлежала Авроре, — знала. Отречение от рода означало полное отречение. Человек становился никем — без имени, без прав, без защиты семьи.

– Более того, – он достал из камзола свиток с тяжелой печатью. – Они передали мне все права на тебя. Полностью. Безвозвратно. – Его губы изогнулись в холодной усмешке.

– Теперь ты моя собственность, без прав и привилегий. Это будет твоим наказанием. А поскольку ты, пусть и обманом, но вошла в мой род как жена... теперь ты полностью принадлежишь мне. Забавно, не так ли? – Он усмехнулся. – Хотела стать женой дракона, а стала рабыней.

Я молчала, чувствуя, как внутри борются два чувства: облегчение за родителей Авроры (они хотя бы останутся живы) и страх перед собственной участью.

– Впрочем, – он приблизился, и жар его тела окутал меня, словно невидимый кокон, – я решил проявить милосердие. – Его пальцы небрежно откинули одеяло, обнажая мои ноги в тонкой сорочке. – Рудники – это слишком для такой... – его взгляд скользнул по моему телу, – симпатичной мордашки.

Я инстинктивно попыталась прикрыться, но его рука перехватила мое запястье: – Не стоит. Все это, – его пальцы скользнули по шелку сорочки, обжигая кожу даже через ткань, – теперь принадлежит мне.

– Ты останешься в замке, – он отпустил мое запястье, но не отступил. – Будешь прислуживать. Только в отличие от других слуг, которые получают жалование... – его усмешка стала шире, – ты будешь делать это бесплатно. Это часть твоего наказания.

Он отошёл к окну, но я всё равно чувствовала его взгляд на своей коже.

– Женой ты, конечно, быть не можешь – для этого нужна истинность, которой у тебя нет. – Он повернулся, и его глаза снова сверкнули золотом. – Но я найду тебе применение. Скажем следующей ночью. Судя по тому, как ты уже восстановилась... – его взгляд снова скользнул по моему телу, – ты вполне готова к своим новым обязанностям.

Внутри все сжалось от унижения и страха. Но, что странно, часть меня, та самая частичка Авроры, которая все сильнее проявлялась в моем сознании, испытывала что-то похожее на... предвкушение? Это пугало даже больше, чем угрозы дракона.

– Можешь не благодарить, – бросил он, направляясь к двери. – Я знаю, что слишком добр к обманщице, тебя бы на плаху, но что-то внутри противиться этому.

Когда дверь за ним закрылась, я судорожно вцепилась в простыни, пытаюсь собраться с мыслями. Нужно что-то делать, и быстро. Я должна найти выход.

«Думай, думай!» — мысленно приказала я себе, оглядывая комнату. Окно? Я поднялась на дрожащих ногах и подошла ближе. Третий этаж, внизу — каменные плиты внутреннего двора. Можно попробовать связать простыни... Но далеко ли убежишь босиком, в одной сорочке? И куда? В чужом мире, без денег, без документов...

Я прижала ладони к вискам. Память Авроры, постепенно проникающая в мое сознание, подсказывала, что за пределами замка меня ждет только худшее. Женщина без рода, без защиты семьи... На такую добычу найдется много охотников.

«Притвориться больной?» — мелькнула следующая мысль. Лекарь же сказал, что мне нужен покой. Может, разыграть лихорадку? Или... я посмотрела на высокое окно. Если «случайно» упасть в обморок и удариться головой? Не сильно, только чтобы получить отсрочку...

Но что дальше? Рано или поздно мне придется столкнуться с его яростью. А если он в гневе действительно отправит меня на рудники? Там я точно не выживу. И ребенок...

Ребенок. Я машинально прижала руку к животу. Может, стоит рассказать ему правду? Нет, нельзя. Он и так считает меня лгуньей — кто поверит в историю о душе из другого мира? Решит, что это очередной обман, и тогда...

Я снова подошла к окну и посмотрела на клубящиеся тучи. Где-то там, в столице, родители Авроры готовятся к новой жизни. По крайней мере, у них есть шанс начать всё сначала. А я? Что мне делать? Как выбраться из этой ловушки?

Память Авроры подсказывала, что у лорда Вардена железная хватка. Если он что-то решил... А он решил сделать меня своей рабыней, игрушкой для утех. Я содрогнулась, вспомнив его обжигающий взгляд.

Я снова оглядела комнату, отчаянно пытаюсь найти выход. Может, попробовать подкупить служанку? Но чем? У меня ничего нет — даже эта сорочка теперь принадлежит ему.

За окном прогремел гром — гроза приближалась. Я смотрела, как тучи клубятся над замком, и чувствовала себя такой же беспомощной перед надвигающейся бурей.

«Думай, думай!» — снова приказала я себе. — «Должен быть выход. Выход есть всегда...»

 Приглашаю вас в свой следующий роман, который будет БЕСПЛАТНЫМ
 <https://litnet.com/shrt/glfz>

 Я была никем — сиротой и служанкой в грязном постоялом дворе, пока магический шар в руках надменного аристократа-дракона не вспыхнул, выбрав меня девятой невестой для их принца.

 Теперь я — единственная человечка среди безупречных дракониц, жаждущих растерзать меня за само моё существование. Но мне не нужны ни принц, ни корона — только выжить, получить положенную компенсацию и начать жизнь вдали от тех, кто называл меня «позором».

 Выжить в этом безумном отборе,***

где улыбки скрывают яд, драконье пламя прожигает душу, а золотые глаза смотрят так, будто видят мои тайны... даже те, о которых я сама не подозреваю.

8

День медленно угасал за высокими окнами спальни. Сумерки окутывали комнату, превращая углы в тёмные омуты, а мерцание одинокой свечи на прикроватном столике отбрасывало причудливые тени на стены. В такой час замок обычно затихал, готовясь к ночи, но сегодня в этой тишине чувствовалось что-то гнетущее, тревожное.

Тихий стук в дверь заставил меня вздрогнуть. В проёме появилась Агата, осторожно балансируя тяжёлым подносом. На нём дымился ужин и стояла уже знакомая мне фарфоровая чашка с травяным отваром, который лекарь прописал для восстановления сил.

Обычно живое, подвижное лицо служанки сегодня казалось осунувшимся, словно она постарела на несколько лет за один день. Её руки, расставлявшие приборы на столике у окна, заметно дрожали, а взгляд то и дело устремлялся к двери, словно она опасалась чьего-то внезапного появления.

– Ох, госпожа... – наконец выдохнула она, и в её голосе смешались горечь и плохо скрываемое возмущение. – Как же так вышло-то? – Она покачала головой, нервно теребя передник. – Где это видано, чтобы благородную кровь – да в рабыни? В жизни такого не слышала...

Украдкой, словно стыдясь своей слабости, Агата смахнула набежавшую слезу уголком фартука. Её пальцы продолжали машинально поправлять то скатерть, то приборы, хотя всё уже было идеально расставлено.

– А утром... – она понизила голос до шёпота, нервно оглядываясь на дверь, – утром придёт лекарь. Я встретила его в коридоре, когда шла за отваром. Он был так встревожен, сказал, что обнаружил что-то важное насчёт вашего состояния...

Её слова упали в тишину комнаты, как камни в тёмный пруд. Я почувствовала, как внутри всё холодеет, а к горлу подступает тошнота — то ли от страха, то ли от беременности. Неужели лекарь уже понял? Так скоро? Мысли лихорадочно заметались в голове. Что будет, когда дракон узнает? Он ведь даже слушать не станет про другой мир и чужую душу в теле его жены. Решит, что это очередная ложь, очередной обман...

– Расскажи мне, что происходит в замке, Агата, – попросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Нужно было узнать как можно больше, найти хоть какую-то зацепку, способную помочь мне выбраться из этой ловушки. – Что говорят слуги? Как ведёт себя лорд Варден?

Агата нервно огляделась по сторонам, словно сами стены могли нас подслушивать, и опустила на краешек кресла. Её пальцы машинально теребили тонкое кружево передника, а в глазах застыла тревога.

– Ох, госпожа... – она покачала головой. – Такое творится, такое... Особенно за сегодняшним ужином.

– За ужином? – я невольно подалась вперёд. В её голосе звучало что-то, заставившее моё сердце забиться чаще. – Что случилось?

Агата придвинулась ближе, хотя в комнате никого кроме нас не было:

– Господин с леди Изабеллой трапезничали в малой столовой. Я как раз там прислуживала... – она нервно сглотнула. – И такое началось...

Она замолчала, собираясь с мыслями, и я терпеливо ждала, хотя внутри всё дрожало от напряжения.

– Леди Изабелла... – наконец продолжила Агата, и её голос стал совсем тихим. – Она, как только села за стол, сразу начала. Мол, когда же справедливость восторжествует? – Тут служанка запнулась и виновато взглянула на меня. – Когда эту лгунью... простите, госпожа, это её слова... когда её на плаху отправят?

Я невольно вздрогнула, но жестом попросила продолжать. Рука сама собой скользнула к животу – защитный жест, который, к счастью, Агата, увлечённая рассказом, не заметила.

– А господин... – её голос стал еще тише. – Он даже не посмотрел в её сторону. Знаете, как он умеет – будто человека вовсе нет. И таким ледяным тоном говорит: "Аврора теперь моя собственность. Будет прислуживать в доме." А потом добавил, и вот тут я чуть поднос не уронила: "А ты лучше не лезь не в своё дело."

Агата перевела дыхание, промокая вспотевший лоб уголком передника:

– Только леди Изабелла... Вы же не знаете, какая она упрямая. "Раз она теперь служанка," – говорит, и в голосе столько яду, что хоть противоядие подавай, – "отдайте её мне. Пусть у меня комнаты убирает, камин чистит."

– И что ответил лорд? – спросила я, чувствуя, как сердце гулко бьётся в горле.

– А вот тут... – Агата понизила голос до едва слышного шёпота. – Господин вдруг вилок отложил. Знаете, как он делает, когда очень зол – медленно так, словно каждое движение контролирует. И таким голосом... – она передёрнула плечами, – у меня мурашки по коже побежали. "Я запрещаю тебе," – говорит, – "даже приближаться к ней. У меня на неё другие планы." А потом посмотрел на неё, как на пустое место: "Можешь быть свободна, если тебе что-то не нравится. Расчёт ты уже получила."

– И что было потом? – выдохнула я.

– Тишина такая настала... – Агата покачала головой. – Жуткая тишина. Только вилки по тарелкам позвякивали. Леди Изабелла застыла, будто статуя, – вся белая, губы трясутся. А господин как ни в чём не бывало ужин продолжил. Даже не смотрел в её сторону больше – словно она растаяла.

Она медленно поднялась, машинально расправляя несуществующие складки на скатерти:

– Утром лекарь придёт, а я... я следом загляну, – она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла какой-то беспомощной. – Может, хоть что-то прояснится...

За окном раскатисто прогремел гром – надвигалась гроза. Я машинально коснулась живота, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха.

**Дорогие друзья, приглашаю вас в свою новинку!!!
 Я попала в другой мир, не имея возможности вернуться домой. Теперь я официально студентка Академии Стихий. Моя магия? Это целая история. С одной стороны, я могла бы вылечить кого угодно за минуту, а с другой — случайно поднять мертвеца. Прекрасно, да?

 Меня, с неконтролируемыми некромантскими способностями, отправили на факультет Смерти, где девушек раз-два и обчёлся. Так что неудивительно, что местные студенты не дают мне прохода: каждый старается привлечь внимание новой сокурсницы.

 Но больше всего мой мир переворачивает сам ректор — властный, опасно притягательный мужчина, от одного взгляда которого сердце начинает биться быстрее, а магия выходит из-под контроля. И да, именно из-за него мои поднятые скелеты устраивают канкан в самые неподходящие моменты.**

<https://litnet.com/shrt/VQB3>

9

Вечер тянулся мучительно медленно. Я металась по комнате, пытаюсь придумать, как выйти из этой ситуации, но мысли путались, а в голове было пусто. За окном сгущались сумерки, и комната постепенно погружалась в полумрак, нарушаемый лишь неровным светом нескольких свечей.

Так ничего и не придумав, я собиралась ложиться спать, когда дверь с оглушительным грохотом распахнулась. От неожиданности я отшатнулась, едва не опрокинув канделябр. На пороге, словно разгневанная богиня, застыла леди Изабелла.

Она была ошеломляюще красива — высокая, статная, с идеальной осанкой и горделивой посадкой головы. Её роскошное тёмно-синее платье, расшитое замысловатым серебряным узором, стояло, наверное, целое состояние. Золотистые волосы были уложены в сложную причёску, украшенную жемчугом, а в ушах поблёскивали сапфировые серьги, подчёркивающие синеву глаз. Даже в столь поздний час её макияж оставался безупречным, а губы кривились в презрительной усмешке.

— Так вот ты какая... — протянула она, делая шаг в комнату. От неё пахло дорогими духами — терпким, властным ароматом. — Наконец-то у меня появилась возможность как следует тебя рассмотреть.

Она медленно обошла меня по кругу, словно хищница, изучающая добычу перед броском. Её шёлковое платье шуршало по ковру, а каблуки туфель отбивали размеренный ритм. В тишине комнаты этот звук казался зловещим.

— И ради этого он отказался от меня? — её голос сочился ядом. — Ничего особенного. Бледная, тощая... — её взгляд стал острым, как кинжал, пригвозждая меня к месту. — Что же ты такое умеешь делать в постели, раз даже после обмана он оставил тебя здесь, а не отправил на плаху? Какие особые таланты должны быть у той, кто посмела обмануть самого лорда Вардена, повелителя Северных земель, — её голос дрожал от едва сдерживаемой ярости, — и не только избежала казни, но и получила право остаться в замке?

— Леди Изабелла, — я старалась говорить спокойно, хотя внутри всё дрожало от страха и гнева. Ночная рубашка вдруг показалась мне слишком тонкой, слишком открытой под её пронзительным взглядом. — Лорд Варден запретил вам приближаться ко мне.

— Запретил? — она рассмеялась, но в этом смехе не было ни капли веселья, только плохо скрываемая ярость. — Мне? — её глаза опасно сверкнули. — Впервые за три года он что-то мне запрещает. Три года я была рядом с ним, делила с ним постель, знала каждую его мысль! — её голос сорвался. — А потом появилась ты со своим фальшивым пророчеством...

Внезапно она метнулась вперед с неожиданной для её наряда скоростью и схватила меня за руку. Тонкая ткань ночной рубашки жалобно затрещала под ее идеально ухоженными пальцами.

— Думаешь, я не знаю, что вы это подстроили? — прошипела она мне в лицо. От неё пахло вином — похоже, она искала храбрости на дне бокала. — Подкупленный оракул, фальшивые знаки... Но что-то пошло не так, верно? Обмануть дракона, ваша семейка сумасшедшая! Но почему он оставил тебя в живых? Я хочу понять, почему!

В порыве ярости она дернула сильнее, и ткань разошлась с влажным треском, обнажив плечо и часть спины. Прохладный воздух коснулся кожи, вызвав мурашки.

— Что за... — её голос внезапно оборвался, словно ей перехватило горло.

Я не видела, что так поразило её, но чувствовала, как её пальцы, всё ещё сжимавшие мою руку, начали дрожать. Краска сошла с её лица.

— Этого не может быть, — прошептала она, и впервые в её голосе прозвучал неподдельный страх. — Этого не может быть!

Она отшатнулась, словно увидела призрака, спотыкаясь о подол собственного роскошного платья. На её идеально покрашенном лице отразился такой ужас, что я невольно обернулась, пытаясь разглядеть, что же она там увидела.

В разорванной ткани виднелась моя лопатка, на которой, словно тончайшая татуировка, распускался серебристый цветок — тот самый цветок истины, которого не было у настоящей Авроры.

— Как... — Изабелла попятилась к двери, спотыкаясь на ровном месте. Жемчужины в её волосах тускло поблёскивали в свете свечей. — Как это возможно? У тебя не было метки! Её не было!

10

Леди Изабелла заметалась по комнате, словно раненая птица в клетке. Её безупречная причёска растрепалась, несколько жемчужин выскользнули из золотистых локонов и теперь тускло поблескивали на ковре в свете свечей. Она то и дело хваталась за голову, бормоча себе под нос: «Думай, думай же! Это невозможно... этого не может быть...»

Я наблюдала за ней, и внезапная мысль пронзила моё сознание, словно луч света во тьме. Вот он — шанс! Если она смогла пройти мимо стражи, значит, всё ещё имеет влияние в замке. А её реакция на метку... Что, если использовать её отчаяние в своих интересах? Это лучше, чем стать постельной игрушкой разъярённого дракона, который видит во мне рабыню.

— Знаешь, — тихо произнесла я, наблюдая за её реакцией, — я бы с радостью исчезла отсюда. Навсегда.

Изабелла замерла на полушаге, словно наткнувшись на невидимую стену. Её глаза, полные лихорадочного блеска, впились в моё лицо.

— Что ты сказала? — прошептала она, медленно приближаясь.

— Ты же этого хочешь? — я старалась, чтобы мой голос звучал спокойно и рассудительно.

— Чтобы я исчезла, освободила место рядом с твоим драконом. Чтобы всё стало как прежде.

По её лицу пробежала тень понимания. Она на мгновение прикусила идеально накрашенную губу, явно просчитывая варианты.

— Продолжай, — сказала она, и в её голосе появились новые нотки — расчётливые, деловые.

— У тебя есть влияние в замке, — я кивнула на дверь, намекая на стражу, которая её пропустила. — У тебя есть деньги. А у меня есть желание оказаться как можно дальше отсюда. Думаю, мы можем помочь друг другу.

Изабелла медленно опустилась в кресло, расправляя складки своего роскошного платья. Её лицо разгладилось, паника исчезла, уступив место сосредоточенному выражению.

— Допустим, — протянула она, и её глаза хищно блеснули в полумраке комнаты. — У меня действительно есть возможности. И связи. И если ты исчезнешь... — она мечтательно улыбнулась, — всё действительно может стать как прежде. Дрейк забудет эту нелепую историю, а я... я сумею его утешить.

Она внезапно подалась вперёд, понизив голос до шёпота:

— Но как же метка? Этот проклятый цветок? — её пальцы нервно теребили кружево на рукаве. — Если он узнает...

— Которую никто, кроме тебя, пока не видел, — напомнила я. — И не увидит, если я исчезну достаточно быстро. Завтра утром придёт лекарь... И если к тому времени меня здесь не будет, никто никогда не узнает о метке.

На её лице расцвела торжествующая улыбка. Она выпрямилась в кресле, и на мгновение я увидела ту самую женщину, которая три года правила этим замком, — уверенную в себе, властную, привыкшую получать всё, что пожелает.

— У меня есть план, — прошептала она, и её глаза заблестели от предвкушения. — Есть один способ... В двух днях пути отсюда есть порт. Каждую неделю оттуда отплывают корабли в Южные земли. Там никто не задаёт лишних вопросов, особенно если у путешественника достаточно золота.

Она встала и начала расхаживать по комнате, но теперь в её движениях не было прежней паники — только сосредоточенность.

— У меня есть доверенное лицо в порту. Он может организовать место на корабле. И новые документы, — она окинула меня оценивающим взглядом. — С твоей внешностью ты легко сойдёшь за купеческую дочь из провинции. Никто не станет присматриваться.

— А стража? — спросила я. — Лорд Варден приказал следить за каждым моим шагом.

Её улыбка стала шире, почти хищной:

– Завтра вечером я устраиваю небольшой приём. Ничего особенного – просто ужин с несколькими гостями из соседних поместий. Дрейк, конечно, проигнорирует приглашение, – в её голосе прозвучала горечь, – но стража будет занята охраной гостей. А в суматохе...

– В суматохе легко потерять одну служанку, – закончила я за неё.

– Именно, – она довольно кивнула. – Я пришлю тебе платье и чепец. В сумерках, когда начнут съезжаться гости, ты смешаешься с прислугой. А у чёрного хода тебя будет ждать карета.

– И к рассвету я уже буду в порту, – продолжила я её мысль. – А потом – на корабле, идущем навстречу новой жизни.

– А взамен? – спросила я, хотя уже знала ответ.

– Взамен? – она усмехнулась. – Ты исчезнешь. Навсегда. Без следа. А я получу то, что принадлежит мне по праву.

– Когда точно за мной придёт служанка? – спросила я.

– Завтра, после заката. Будь готова, – она направилась к двери, но остановилась на пороге. – И помни – это наш единственный шанс. Если что-то пойдёт не так... – её взгляд стал жёстким, – я ничего не знаю. Ты действовала одна. Ясно?

Я кивнула. Дверь тихо закрылась за ней, унося с собой аромат духов и терпкий запах вина.

Оставшись одна, я медленно опустилась на кровать. План был хорош — почти идеален. Но что-то внутри меня противилось этому решению. Может быть, та часть души, которая принадлежала Авроре? Или инстинкт самосохранения, подсказывающий, что красивые планы редко реализуются так гладко, как задумано?

За окном снова прогремел гром. Гроза приближалась, словно предвещая бурные события завтрашнего дня.

«Думай, – приказала я себе, невольно повторяя недавние метания Изабеллы. – У тебя есть время только до завтрашнего заката. Думай!»

11

Утро начиналось медленно, словно нехотя. Рассветные сумерки за окном только-только начали рассеиваться, когда раздался осторожный стук в дверь. Я уже не спала — тревожные мысли о предстоящем побеге не давали мне сомкнуть глаз с тех пор, как первые лучи солнца окрасили небо в нежно-розовый цвет.

Лекарь Томас вошёл степенно, кутаясь в тёмную мантию, расшитую серебряными символами. От его фигуры исходило спокойствие и уверенность человека, привыкшего иметь дело с чужими страхами и болезнями. Его внимательные карие глаза сразу же впились в моё лицо, словно выискивая признаки недомогания.

— Как вы себя чувствуете, леди? — спросил он, доставая из потрёпанной кожаной сумки магический кристалл для сканирования. Кристалл был размером с куриное яйцо и напоминал огромную каплю застывшей воды.

— Лучше, — ответила я, наблюдая, как кристалл начинает мерцать голубоватым светом в его морщинистых руках. От камня исходило едва уловимое гудение, похожее на жужжание далёкого роя пчёл.

Мастер Томас методично водил кристаллом над моим телом, бормоча что-то себе под нос на непонятном языке целителей. Его губы едва заметно шевелились, произнося слова диагностического заклинания. Свет кристалла пульсировал в такт его словам, то усиливаясь, то угасая.

Внезапно кристалл вспыхнул ярко-золотым светом, словно в нём зажглось маленькое солнце. На морщинистом лице лекаря расплылась широкая улыбка, превратившая его из серьёзного целителя в добродушного дедушку.

— Госпожа Варден, поздравляю вас! — торжественно произнёс он, и в его голосе звучала искренняя радость. — Вы беременны! — Его глаза сияли, словно он сам был причастен к этому чуду. — А это значит, что ваши родители зря затеяли всю эту историю с подкупом оракула. Вы действительно истинная пара господина — родовой камень не ошибается.

Он бережно уложил кристалл обратно в сумку, продолжая улыбаться:

— Господин сейчас в отъезде, но я обязательно обрадую его по возвращении! Наследник драконьего рода — это великая радость и честь.

Я застыла, чувствуя, как к горлу подступает тошнота — то ли от беременности, то ли от страха. Перед глазами с беспощадной ясностью вспыхнуло недавнее воспоминание: вот дракон отшвыривает меня — тогда ещё нас с Авророй — к стене, его глаза горят яростью, а голос сочится презрением. От его рыка дрожали стёкла, а по рукам пробегала золотистая чешуя.

«Теперь ты моя собственность... Я найду тебе применение в постели...» Его слова эхом отдавались в памяти, заставляя сердце сжиматься от страха. Как можно растить ребёнка рядом с существом, способным в любой момент превратиться в чудовище?

Смогу ли я вообще жить с этим мужчиной? С драконом, от одного присутствия которого по спине бегут мурашки страха? Даже если метка истинности так важна для него — смогу ли я делить постель с чужим, пугающим существом, в чьих глазах в любой момент может вспыхнуть золотое пламя ярости?

Простит ли он когда-нибудь обман Авроры, или я навсегда останусь виноватой в его глазах? Буду ли я каждый день, каждую ночь чувствовать себя воровкой, укравшей чужое место, чужую судьбу? Даже если я действительно его истинная пара, разве это что-то меняет после всего случившегося?

Лекарь, не замечая моего смятения, продолжал давать рекомендации о том, как важен покой в первые месяцы беременности, особенно если речь идёт о наследнике драконов. Его голос доносился словно издалека, пока в моей голове вихрем кружились тревожные мысли.

После его ухода появилась Агата с подносом, уставленным завтраком. От запаха свежей выпечки и травяного чая к горлу снова подступила тошнота, но я заставила себя сделать глубокий вдох.

– Слуги с утра на ногах, госпожа, – зашебетала она, расставляя тарелки на столике у окна. – Такая суматоха! Готовятся к вечернему приёму. Леди Изабелла, – тут её голос стал тише, – лично проверяет каждую мелочь. Никогда её такой деятельной не видела.

Она ловко расправила скатерть, продолжая рассказывать:

– Господин уехал по делам ещё затемно. А лекарь такой довольный вышел! – Она многозначительно посмотрела на меня. – Наверное, хорошие новости о вашем здоровье?

Я молча кивнула, механически поднося ложку ко рту. Каша с мёдом и сушёными ягодами, обычно такая вкусная, казалась безвкусной, как песок.

Агата помогла мне подняться из-за стола, и в её движениях чувствовалась неловкость. Она словно не знала, как себя вести, — по старой привычке тянулась помочь, но тут же одёргивала себя.

– Простите, госпожа... то есть... – она запнулась, комкая передник дрожащими руками. – Господин приказал... лорд Варден сказал, что теперь вы... – её голос дрогнул, – что я не должна вам прислуживать. Сказал, что теперь вы ниже по положению, чем прислуга.

В её глазах блеснули слёзы. Она быстро смахнула их уголком фартука:

– Но я не могу... Не могу смотреть, как вы сами... Может, я хоть немного помогу? Пока никто не видит?

Я молча кивнула, чувствуя, как к горлу подступает комок. Её доброта делала унижение ещё более острым.

Агата торопливо, словно боясь, что нас застанут, помогла мне надеть простое льняное платье — не из роскошного гардероба Авроры, а из тех, что носили слуги. Ткань была грубой, швы кое-где потёрлись, а подол был заштопан несколько раз.

– Ох, вам это не идёт... – пробормотала она, пытаясь расправить складки. – А какие у вас были платья! Тот лиловый шёлк с серебряной вышивкой...

Её пальцы дрожали, когда она заплетала мои волосы — наспех, без привычных сложных укладок. Простая коса, как у служанок, вместо изысканных причёсок с жемчугом и лентами.

– Вот так... – прошептала она, закрепляя косу простой тесьмой. – Просто, но аккуратно. Вы всё равно красивая, даже в этом...

Она отступила на шаг, окинув меня взглядом, полным горечи. В коридоре слышались шаги, и Агата испуганно вздрогнула:

– Мне пора, – торопливо прошептала она. – Простите, что больше не могу вам помочь. Но может... может, всё ещё наладится? Господин добрый – отойдет еще.

Дверь тихо закрылась за ней. Я подошла к зеркалу, разглядывая своё отражение. Простое платье, простая коса, бледное лицо. Ни следа прежней роскоши. Всё верно — рабыне не положено носить дорогие наряды.

«Ничего, — подумала я, расправляя плечи и отходя к окну. — Скоро всё это останется в прошлом. И платья, и унижения, и дракон с его противоречивыми чувствами».

Утреннее солнце заливало двор замка, где вовсю кипела подготовка к вечернему приёму. Слуги сновали туда-сюда, таская корзины с фруктами, свежее бельё, цветочные композиции. Где-то там, за этими стенами, в Южных землях, была свобода. Новая жизнь. Место, где никто не задаёт лишних вопросов.

Да, придётся бежать, скрываться, но разве это не лучше, чем жить в золотой клетке с драконом, для которого я навсегда останусь обманщицей?

Решение окрепло, словно пришло из утреннего тумана. Нужно бежать. И пусть Изабелла раскошелится — её желание вернуть своего дракона сыграет мне на руку. Чем больше золота она даст, тем проще будет начать новую жизнь в чужих краях.

Я представила, как буду жить где-нибудь в маленьком южном городке, может быть, даже у моря. Открою небольшую лавку или займусь рукоделием — память Авроры подсказывала, что её руки хорошо знакомы с иглой и ниткой. Буду растить ребёнка вдали от драконьей ярости, от удушающей атмосферы замка, от постоянного страха и унижения.

«Прости, малыш», — прошептала я, поглаживая живот, в котором уже росла новая жизнь. — «Но лучше расти без отца, чем с отцом, который видит в твоей матери лишь собственность для утех. Который в любой момент может обратить свой гнев против нас».

За окном разгорался погожий летний день. Слуги продолжали сновать по двору, готовясь к вечернему приёму. На кухне наверняка уже кипела работа — запахи специй и свежей выпечки доносились даже сюда, на верхний этаж. Никто не подозревал, что сегодня их госпожа Варден навсегда покинет этот замок, прихватив с собой наследника драконьего рода.

Во дворе появилась леди Изабелла в роскошном утреннем платье цвета морской волны. Она отдавала распоряжения слугам, поправляла цветочные гирлянды. В каждом её движении сквозило предвкушение — она явно готовилась к своему триумфальному возвращению на место хозяйки замка.

«Пусть наслаждается своей победой», — подумала я, отходя от окна. — «Пусть верит, что сможет вернуть своего дракона. А я... я выберу свободу. Для себя и для ребёнка».

Интересно, что она почувствует, когда поймёт, что помогла сбежать не просто сопернице, а беременной женщине, носящей наследника драконьего рода? Впрочем, это уже не будет иметь значения — к тому времени я буду далеко.

12

С первыми лучами послеполуденного солнца замок начал наполняться непривычным оживлением. Даже сквозь толстые стены до меня доносился нарастающий гул голосов, звон посуды, торопливые шаги слуг. Гости начали съезжаться раньше назначенного времени — видимо, новость о внезапном приёме опальной фаворитки дракона вызвала слишком большой интерес у местной знати.

Я стояла у окна и наблюдала, как во внутренний двор одна за другой въезжают богато украшенные кареты. Дамы в роскошных платьях, кавалеры в расшитых камзолах — весь высший свет спешил посмотреть на это представление. Ещё бы — такой скандал! Жена лорда Вардена оказалась самозванкой, а бывшая фаворитка устраивает приём, как ни в чём не бывало.

Шум во дворе становился всё громче. Звонкий смех дам смешивался с гулом мужских голосов, цокотом копыт, командами конюхов и суетливыми возгласами слуг. Казалось, весь замок превратился в растревоженный улей.

Из-за этого оживления ещё острее ощущалась тишина моей комнаты-темницы. Стражники у двери по-прежнему несли свою службу — «не было приказа от господина», как они говорили. Странное положение — вроде бы рабыня, но под охраной, как драгоценность. Или преступница?

Размышления прервал стук в дверь. Вместо привычной Агаты на пороге появилась незнакомая служанка. В том, как она держалась — чуть более надменно, чем положено прислуге, как поджимала губы, оглядывая комнату, — сквозило что-то от манер самой леди Изабеллы. Только её личные служанки перенимали эти повадки, подражая своей госпоже.

— Обед для... — она запнулась, явно не зная, как теперь меня называть, — для вас.

Её движения были суетливыми, неловкими — совсем не то отточенное изящество, с которым обычно двигалась Агата. Расставляя приборы, она «случайно» уронила салфетку, и когда наклонилась, чтобы поднять её, я заметила, как из потайного кармана её фартука выскользнул маленький бархатный мешочек.

— О, простите мою неловкость, — пробормотала она, оставляя мешочек на краю стола и прикрывая его краем скатерти. Её глаза буквально горели любопытством — какие же тайны могут связывать её госпожу и опальную жену лорда?

Я сделала вид, что не заметила ни мешочка, ни её пытливого взгляда. Служанка явно надеялась, что я открою посылку при ней, но я лишь равнодушно кивнула:

— Можешь идти.

Она помедлила, делая вид, что поправляет несуществующие складки на скатерти, но я продолжала игнорировать мешочек. Наконец, разочарованно вздохнув, она направилась к двери.

— Госпожа... то есть леди Изабелла просила передать, что приём начнётся раньше обычного, — сообщила она, явно надеясь разговорить меня. — Гости уже съезжаются.

— Я слышу, — сухо ответила я, глядя в окно, где как раз разворачивалась очередная карета.

Когда дверь за служанкой закрылась, я ещё несколько минут стояла неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Только убедившись, что она точно ушла и в коридоре никого не осталось, кроме стражников, я взяла бархатный мешочек. Он оказался тяжелее, чем я ожидала, — внутри явно было что-то помимо обещанного золота.

Руки слегка дрожали, когда я развязывала тугие шнурки. Внутри оказались три вещи: запечатанное письмо на плотной бумаге с лёгким цветочным ароматом — наверняка из личных запасов Изабеллы, тяжёлый кошелек из тёмной кожи, в котором приглушённо звякали золотые монеты, и маленький красный мешочек из тончайшего шёлка, завязанный серебряной нитью.

В кожаном кошельке оказалось именно то, что я и предполагала, — золотые монеты с профилем короля, каждая размером с мой ноготь. Память Авроры услужливо подсказала их ценность — не меньше двухсот золотых. Целое состояние. Этой суммы хватит не только на покупку небольшого дома в южном городе, но и на безбедную жизнь в течение нескольких лет. Можно даже открыть небольшую лавку или мастерскую.

В красном шёлковом мешочке оказался белый порошок, похожий на мельчайшую пыль. Он переливался в свете свечей, словно измельчённые кристаллы. Что же это за вещество? И главное — насколько оно безопасно для стражников?

Дрожащими пальцами я развернула письмо. Изящный почерк Изабеллы бежал по тонкой бумаге — каждая буква выведена с той же тщательностью, с какой она накладывала свой утренний макияж:

«Всё готово. Сумка с провизией и необходимыми вещами будет спрятана во внутреннем дворе, в корнях четвёртого дуба, если считать от кухонной двери. Ты найдёшь её по синей ленте на ручке — её не будет видно со стороны дорожки, если не знать, где искать.

В красном мешочке — сонный порошок особой силы, его нужно использовать после того, как гостям подадут ужин. Просто брось щепотку в сторону стражников — они мгновенно уснут и проспят до утра. Не волнуйся — это безвредно, всего лишь глубокий сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.